

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ ПО ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: 2020-2021 гг.

Мурат Лаумулин

главный научный сотрудник КИСИ при Президенте
РК, доктор политических наук, профессор

<https://doi.org/10.52536/2415-8216.2021-3.08>

Laruelle Marlene. Central Peripheries. Nationhood in Central Asia. – London: University College London, 2021. – X+252 pp.

Неутомимая исследовательница Центральной Азии, о которой мы пишем практически в каждом обзоре и посвятили ей целый раздел в недавней монографии, - Марлен Ларюэль – решила объединить свои публикации по отдельным республикам региона (с 2007 по 2019 гг.) в единый концептуальный труд: «Центральные периферии», посвященный национальному строительству в каждой из них. В свое несколько странное название книги автор вложила глубокий истори-

ческий контекст, суть которого состояла в том, Центральная Азия в течение тысячелетий сама являлась не периферией, а полноценным центром ряда сменявших друг друга цивилизаций. Роль важной, но все-таки периферии, Центральная Азия стала играть как буфер между Британской, Цинской и Российской империями. К своей непосредственной роли «центральной периферии» регион перешел в советскую эпоху. Это означает, считает М.Ларюэль, что, будучи подчиненной территорией, Средняя Азия, и особенно Казахстан, превращались в самодостаточные с экономической и национально-политической точек зрения образования.

Именно в этом процессе, который принял динамический характер уже в постсоветскую эпоху, автор видит начало великого мифотворчества, заложенного в фундамент истории всех национальных государств. Монография состоит из двух частей, из которых первая посвящена нашим трем соседям, а вторая – исключительно Казахстану. В силу объективных обстоятельств Туркменистан не попал в поле зрения ученого, хотя у автора были собственные публикации по этой республике. Раскрывая поставленную проблему, М.Ларюэль неизбежно подходит к ключевому вопросу – национализм как инструмент овладения и сохранения власти. В этой сфере наблюдаются различия между отдельными субъектами региона. Узбекистан фактически продолжил наметившуюся еще в советское время тенденцию к апеллированию к древнему и славному прошлому занимаемой РУ территории. Смысл состоял в том, что (будущий) Узбекистан всегда был центром тогдашнего универсума.

По мнению Ларюэль, режим И.Каримова практиковал два типа национализма: один – политический, другой – культурный. Параллельно, был дискредитирован марксизм-ленинизм, а в качестве идеологической замены с целью заполнить вакуум была предложена идея национальной независимости. Однако эта идея заставила Каримова отойти от взятой первоначально идеи Туркестана и тюркского единства, оттолкнула Ташкент от Анкары, вынудила отказаться от строительства Центральноазиатского союза, выйти из ОДКБ и игнорировать любые интеграционные проекты на постсоветском пространстве.

Нарративами были выбраны культы Тимура и махали, величие Маверенахра и даже тот факт, что в царской России именно Ташкент был столицей Туркестанского генерал-губернаторства. Но в целом, российский и советский периоды ставились на одну доску как колониальные. Важными историческими вехами считались восстания 1898 г. и 1916 г., а также басмаческое движение 1920-х гг. В 2002 г. скан-

дальный характер с политической точки зрения стал выход в свет изданный фондом Сороса «Этнический атлас Узбекистана», который невольно разрушал исторические мифы и нарративы режима.

Таджикистан в качестве цементирующего национальную идентичность элемента взял арийское прошлое. Но не обошлось и без применения исламского фактора. На формирование национального строительства в республике оказал большое влияние тот факт, что Таджикистан ощущал свое одиночество в тюркском окружении. Возвеличение таджикского прошлого началось еще в советское время благодаря усилиям академика Б.Гафурова, занимавшего престижный пост директора Института востоковедения АН СССР. В качестве исторического нарратива была выбрана эпоха Саманидов (875-999 гг.). В 1999 г. под именем самого президента Э.Рахмонова был издан многотомный труд «Таджики в зеркале истории», где был проложен мост между ариями и саманидами. Первые дали этно-культурное

и цивилизационное начало таджикам, вторые – государственность.

М.Ларюэль обращает внимание на тот факт, что эпоха саманидов была выбрана не случайно; она представляет собой некую религиозно-цивилизационную лакуну между эпохой зороастризма и наступающей эрой ислама, что оставляло пространство для маневра в идеологической сфере – реабилитации зороастризма без умаления роли ислама. Иногда упор на арийский фактор носил фактически антитюркский характер, когда тюркские народы изображались пришельцами в сравнении с индоевропейскими автохтонами, предками таджиков. Дело дошло до прямого идеологического столкновения после выхода в Ташкенте и Москве в 2003 г. книги известного узбекского историка Г.Хидоятова «Крушение саманидов».

В силу псевдодемократизации и хаотического характера политической жизни Киргизстана процесс национального строительства имел многофакторный характер, отражавший столкновение различных виде-

ний будущего национального государства. Автор называет этот процесс борьбой между киргизским национализмом и этническим плюрализмом. Отправной точкой для становления киргизского национализма стал культ эпоса «Манас», восходящий еще к советской эпохе. В качестве представителей национального пантеона был выбран ряд исторических фигур, первый из которых был Юсуф Баласагунский. Автор подчеркивает, что курс на поиск путей национализма был подвержен политической конъюнктуре в зависимости от того, кто приходил к власти в результате очередной цветной революции. Процесс обретения «кыргызкости» замедлялся также слабостью государственных институтов, плюрализмом и регионализмом, а также усилением исламизма. Другим фактором, стоящим на пути тотальной киргизизации (и исламизации), остается влияние русского языка и широкий сегмент русскоязычного населения, включая этнических киргизов.

Отдельный раздел в работе посвящен феномену тенгри-

анства. Он пропагандируется небольшими кругами интеллектуалов в Казахстане и Киргизии, в основном как защита от растущей исламизации. Помимо этих республик Цахтенгрианство популяризуется в некоторых российских автономиях – Бурятии, Башкирии и Татарстане. Но имеют место и попытки синтезировать тенгрианство с исламом, как это происходит в Казахстане. Наибольшую популярность культ неба приобрел в Киргизстане. М.Ларюэль видит в этом признаки наступления новой эпохи – прихода «экоцентризма и естественной демократии».

Но она дает понять, что данный феномен при желании можно интерпретировать и как сигнал наступления пантюркизма на общей платформе прототюркской веры. Борьбу тенгрианцев с абрамитическими религиями, забравшими у тюрков их пассионарность, можно рассматривать и в контексте антисемитизма. Но в целом мы имеем здесь дело с борьбой между тенгрианством и исламом за право быть главной национальной религией.

Вторую часть М.Ларюэль полностью посвящает Казахстану. Здесь автор отказывается от традиционного подхода к национализму как части процесса нациестроительства и утверждает, что применительно к Казахстану больше подходит термин «транснационализм». Имеется в виду сочетание сразу нескольких концепций: казахский национализм, казахстанский патриотизм и евразийство. В качестве решающего фактора автор возвращается к демографическому фактору: в постсоветскую эпоху и за время становления национального государства в Казахстане появилось новое поколение, которое М.Ларюэль назвала в своей предыдущей книге «Поколением Назарбаева». Именно ему предстоит повернуть развитие Казахстана или к национализму, или к плюралистичному обществу.

Исследовательница считает гибридность главной отличительной чертой процесса нациестроительства в Казахстане, который развивался сразу по нескольким парадигмам. Первой парадигмой стали вопросы этнической ре-

патриации (возвращение т.н. оралманов) и поддержка казахского языка. Закрепление «казахскости» происходило в культуре (особенно наглядно в кинематографе) и архитектуре (на примере Астаны). Другой парадигмой стала попытка выработки гражданского понятия «казахстанскости». Автор относит основы такой политики к пережиткам советского наследия в духе «дружбы народов» и интернационализма.

В середине 1990-х годов появилась третья парадигма развития: М.Ларюэль называет ее «транснационализмом». На этом направлении национальные вопросы отодвинуты на второй план, а на первом находятся проблемы политических реформ, экономического развития и ускорения темпов становления Казахстана как сильного и независимого государства на мировой арене. Ученая высказывает предположение, что данная парадигма заслуживает названия «назарбаевизм». В других главах М.Ларюэль рассматривает эволюцию понимания евра-

зйства от О.Сулейменова до Н.Назарбаева – т.е. движение от литературной традиции к государственной идеологии.

Однако, подчеркивает автор, Россия заняла доминирующие позиции в использовании евразийской идеологии. Казахстан был вынужден начать искать свой, третий путь. И он нашел его в концепции «мангилик ель» (вечной земли). Имеется в виду Великая степь как родина и историческая судьба казахов. То есть, это означало очередной крен от интернационалистской (плюралистичной) политики к национально-ориентированной. Во второй половине 2010-х гг. Астана разочаровалась в ЕАЭС и настойчивой политике Москвы превратить Евразийский экономический союз в политический под своим контролем. Одновременно после смены лидера в Узбекистане из Ташкента начали поступать сигналы, позитивно воспринятые в РК, о возобновлении центральноазиатской интеграции.

В последующих главах своей книги М.Ларюэль обращается к вопросам культу-

ры (роли телевидения и кино) и языковой политики. Это те сферы общественной жизни, где себя вольготно чувствуют националисты. В тоже время она рассматривает национализм как потенциал для социальной мобилизации. По ее мнению, в 2019 г. после формального ухода Н.Назарбаева с поста президента национал-патриоты надеялись оккупировать общественную жизнь. Но в целом автор скептически оценивает влияние нацпатов. К тому же, их заигрывание с оралманами как своей потенциальной базой, имело обратный эффект среди казахстанских казахов.

Заключительная глава, посвященная Казахстану, повторяет основные тезисы, изложенные в монографии исследовательницы «Поколение Назарбаева».¹ В отличие от оригинала, в своей новой работе М.Ларюэль называет это поколение конформистским по своим жизненным целям, что означает веру в семей-

¹ Laruelle M. (ed.) The Nazarbayev Generation. Youth in Kazakhstan. – London, New York: Lexington Books, 2019. – 354 p. Рец.: Лаумулин М.Т. Обзор зарубежной литературы по Центральной Азии: 2018 – 2019 гг. (Часть II) // Казахстан-Спектр (КИСИ). 2020. № 1. С. 107-118.

ные ценности и стремление к комфортной жизни. Выход этого поколения на авансцену общественной жизни она связывает с концом «постсоветизма» (т.е. постсоветской эпохи). Исследовательница называет конкретные лица, символизирующие данное поколение и пришедшие в систему госуправления и политическую жизнь.

В заключении М.Ларюэль указывает, что в той или иной степени общества во всех республиках Центральной Азии становятся более плюралистичными; при этом граждане этих стран приходят к гетерогенному пониманию своей национальной идентичности («национальной биографии» по терминологии автора). И все это она связывает с политическим и гражданским рождением нового поколения, экстраполируя казахстанский опыт на все общества региона. Комментаторы ставят в заслугу исследовательнице, что в своем исследовании она удачно сочетает исторические, политические и геополитические факторы.

По-видимому, ключ к пониманию данного исследования

лежит в последнем, а именно: показать и доказать, что центральноазиатские общества якобы генерируют новые социальные силы, далекие от идей евразийского единства и социального равенства («постсоветизм» согласно жаргону М.Ларюэль) и отвергающие ценности старшего поколения, воспитанного на социалистических идеалах и преданного в пресловутые 1990-е годы. То есть, лишний раз подчеркнуть, что возврат к великой социалистической и геополитической державе невозможен.

Добринская О.А. Стратегия Японии в Центральной Азии: политическое, экономическое и культурное измерение. Отв. ред. Стрельцов Д.В. – Москва: Институт востоковедения РАН, 2020. – 416 стр.

Монография, увидевшая свет в стенах Института Востоковедения РАН и написанная О.А.Добринской (старший преподаватель Дипломатической академии МИД России, доцент Московского государ-

ственного университета, научный сотрудник Института востоковедения РАН), посвящена исследованию эволюции стратегии Японии в Центральной Азии в период 1992-2020 гг. В книге проведен анализ роли и места Центральной Азии во внешней политике Японии, изучено влияние внешних и внутренних факторов на формирование политических приоритетов, выделены основные этапы эволюции японского подхода к региону. Проведен обзор и анализ экономических связей между Японией и странами Центральной Азии. Особое внимание уделено гуманитарным аспектам японского присутствия в регионе.

Автор делит в первой главе историю стратегии Японии в регионе на три периода: первый – период становления отношений: 1990–1996 гг., второй – налаживание многосторонних и двусторонних отношений: 1997–2004 гг., третий – панорамная дипломатия С. Абэ: 2004-2020 гг. Вторая глава посвящена экономическому сотрудничеству Японии со странами региона и экономическим интересам Токио в

ЦА, которые охватывают такие сферы как энергетика, ресурсы (уран и редкоземельные металлы), внедрение и распространение японских аграрных технологий, опыт в атомной энергетике и т.д. Автор особо отмечает роль японского государства в активности японского бизнеса за рубежом. И наконец, третья глава охватывает гуманитарную область сотрудничества. Особый упор исследовательница делает на применение мягкой силы в формировании привлекательного имиджа Страны восходящего солнца. В монографии отмечаются сильные и слабые стороны японской стратегии в Центральной Азии.

Савин И.С. Взгляд на историю межэтнических отношений в Казахстане. Отв.ред. Кадырбаев А.Ш. Издатель Воробьев А.В. – Москва: ИВ РАН, 2019. – 163 стр.

Автор в своей книге делает попытку объяснять почему у «разных» народов, оказавшихся на территории Казахстана в разное время, в одних обстоя-

тельствах люди видели в индивидах, непохожих на себя, «чужих» или даже врагов, тогда как в другое время считали их просто «другими», но не враждебными, закладывая таким образом основы последующих дружественных отношений. В данной работе исследователь рассматривает межэтнические отношения во всей сложности вплетения этнически-специфических мотивов человеческой деятельности в повседневную жизнь. В этом смысле для автора интересны не только и не столько отличающиеся у разных народов формы одежды и бытовой утвари, сколько распространенные у них особенности коллективного мышления и поведения (в особенности по отношению к «другим»). В этом случае он предлагает рассматривать исторические сюжеты не только в познавательном, но и в прикладном аспекте, показывая влияние на поведенческие стратегии людей, живущих сегодня в Казахстане, установок и стереотипов, рожденных в предшествующие эпохи.

В монографии с целью решения поставленных задач

исследователь рассматривает такие сюжеты как формирование населения Казахстана в период XIX – начала XX в.; особенности идентификации народов, населявших территорию Казахстана в досоветский период; трансформация традиционных форм идентичности и характер межэтнических отношений в досоветский период. Отдельно автор обращается к советской эпохе, где для него важными являются советская культурно-языковая и образовательная политика; специфика межэтнических отношений в советском Казахстане. И наконец, в последнем разделе ученый изучает особенности политической идеологии и практики после обретения Казахстаном статуса суверенного государства; а также формирование модели урегулирования межэтнических отношений и основные тенденции их развития в суверенном Казахстане.

Rollberg Peter. The Cinema of Soviet Kazakhstan 1925 – 1991: An Uneasy Legacy. - New York, London: Lexington Books, 2021. – XVI+466 pp.

Последней новинкой в современной западной казахстанике стала книга Питера Рольберга (замдекана Школы Элиота) «Кино Советского Казахстана в 1925-1991 гг.». Нам уже приходилось писать в связи с выходом книги французской исследовательницы, известной специалистки по российскому и советскому кино Габриэль Шоментовски - «Снимая Восток: политика и национальности в советском кинематографе 1917-1938 гг.», посвященной истории зарождения и развития кино в молодых советских республиках Средней Азии в довоенную эпоху.²

Данная монография посвящена истории развития кинематографа уже в одной конкретной республике – КазССР и на протяжении всего периода советской истории. Автор отмечает, что казахстанский кинематограф был частью грандиозного советского проекта по конструированию национальных культур. В западной советологии всегда доминировал стереотип, что

социалистический режим вызвал катастрофические потери национальными республиками культурного наследия, традиций, разнообразия и творчества. Но к Казахстану это относилось в наименьшей степени. Это было связано в немалой степени с высоким уровнем московских кинематографистов, фактически заложивших профессиональную школу в годы войны на «Казахфильме» в Алма-Ате, и повлиявших на становление местных кадров. В этой связи исследователь останавливается на роли таких деятелей казахстанского кино как Ш.Айманов, А.Карсакбаев, С.Ходжиков, М.Бегалин, перенявших все лучшее от своих старших коллег из центра.

В книге отражаются также противоречия между казахстанским кино и советской идеологической системой. Значение перечисленных выше казахских руководителей и режиссеров состояло в том, что они сумели вложить в рамки социалистического кино элементы казахской истории, быта и традиций, а также особенности национального

² Chomentowski G. *Filmer d'Orient: Politique des Nationalités et cinema en URSS (1917-1938)*. – Paris: Editions PETRA, 2016. – 250 +16 pp.

характера. П.Рольберг относит истинную дату возникновения национально ориентированного казахстанского кино к середине 1950-х гг. В качестве суперхита республиканского кинематографа, обеспечившего всесоюзную аудиторию, исследователь называет фильм Ш.Айманова «Конец атамана». Но, по его мнению, расцвет длился недолго, и примерно в середине 1970-х годов проявились кризисные тенденции.

Это был многоплановый процесс, вызванный эрозией советской идеологии, приходом нового поколения, видевшего в шедеврах 1950-1960-х годов архаику, и влиянием на советскую аудиторию иностранного – преимущественно западного – кино. Но в конце 1980-х гг. появляется феномен «новой волны» в казахстанском кинематографе. Ее международная популярность обеспечила защиту от давления центральных властей, которые на протяжении всей истории боролись с проявлениями национальных особенностей в казахстанском кино. Но творцы «новой

волны» рассматривались ветеранами республиканского кинематографа и представителями старшего поколения национальной интеллигенции как «ненастоящие казахи». Но центральное руководство видело в этом феномене, который был отнюдь не только казахстанским явлением, не националистическую угрозу, а идеологическую.

В качестве блокбастеров общесоветского масштаба автор называет такие ленты как «Кровь и пот» (1979 г. по эпическому роману А.Нурпеисова) и совместный проект «Мосфильма» и «Казахфильма» - четырехсерийный фильм «Вкус хлеба» (1980 г.), в котором в качестве персонажа под другим именем фигурирует Л.И.Брежнев. Этот фактор обеспечил ленте самый широкий союзный прокат. Со временем фильм приобрел, несмотря на свои несомненные художественные качества, ярлык идеологической продукции. В целом, заключает автор, казахстанский кинематограф достоин своей нелегкой судьбы, сохранив свои национальные черты

и создав блестящие и достойные фильмы.

Favereau Marie. The Horde: How the Mongols Changed the World. – Harvard: Harvard University Press, 2021. – 384 p.

В настоящем году последним изданием в области монголистики стала книга проф. Мари Фаверо (Нантерский университет в Париже) «Орда – как монголы изменили мир». Автор приобрела известность благодаря своим работам в сфере изучения кочевых империй, в т.ч. монографии «Золотая Орда и султанат мамлюков»³. В своей фундаментальной монографии автор отвергает расхожий миф о том, что монгольская империя вызывает только одну реакцию – завоевание. Она настаивает своей книгой, что ее наследница Золотая Орда сыграла за три столетия своего существования не меньшую роль, чем Римская империя когда-то. Ее наследие, считает автор, ощущается до сих пор в

Европе, России, Центральной Азии и на Среднем и Ближнем Востоке.

Автор исходит из того, что в течение XIII-XIV вв. Золотая Орда была центром евразийской торговли и контролировала большинство существовавших на то время торговых путей на протяжении многих тысяч километров. В Сарае сложилась талантливая каста администраторов, дипломатов и экономических организаторов, которые сумели создать эффективную систему, влиявшую на Русь, исламские территории и на другие пространства Евразии. По мнению автора, Орда была «красноречивым, амбициозным и окончательным портретом» кочевой империи, который должен был разоблачить миф об исторической периферийности государств номадов.

Далее, М. Фаверо разрушает другой распространенный миф, который якобы восходит к Угедо: «можно завоевывать империю на седле коня, но нельзя управлять ею с седла». Исследовательница считает, что Золотая Орда демонстрирует уникальный в истории

³ Favereau Marie. La Horde d'Or et le sultanat mamelouk. Naissance d'une alliance. – Le Caire : IFAO, 2018. – 176 p.

пример синтеза кочевой и оседлой цивилизаций при господстве первой. Это был одновременно вызов завоеванным монголами Китаю и Ирану. Причина была в том, что наследники Джучи опирались на традиции кыпчакской степи, и это позволяло Золотой Орде сохранять свою кочевую индивидуальность, используя выгоды оседлой экономики.

Но продолжительность существования этого образования была ограничена, и она была заложена именно в степной традиции кочевых империй – контролировать и жить за счет торговых путей (то, что потом получило название «Шелкового пути»). Кроме того, джучиды, как считает автор, игнорировали традиции и обычное право местного населения. В монгольской иерархии персидские источники именуют государство джучидов как «улу» или «ханство» (а не «султанат»), что ставило Золотую Орду в ранг полноправной и суверенной империи.

Автор также разоблачает миф об «автократической, или деспотической» сущности России, унаследованной ею от

Орды. Фаверо доказывает, что одной из причин падения этого государства был его не авторитарный, а совещательный характер. Это также пагубно сказалось на экономике Орды, где доминировала распределительная («куби») система. Автор в результате приходит к парадоксальному выводу: Золотую Орду как «геополитического гиганта» погубил именно ее нomaдический и антиимперский характер. Она считает Орду уникальной в истории моделью, в которой переплелись дипломатия, политика и военное дело. Все это в совокупности обрекло ее на неизбежное исчезновение.

Peacock A.C.S., McClary Richard Piran (eds.). Turkish History and Culture in India: Identity, Art and Transregional Connections. – Leiden: Brill, 2020. – XVI+418 p.

Под редакцией А.Пикока и Р.Макклери в 2020 г. в рамках индологической коллекции востоковедного издательства «Брилл» вышла коллективная монография «Тюркская история и культура в Индии» (в

названии работы ошибочно применяется термин «турецкая»). Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена появлению, истории и идентичности тюрок на территории Индостана. Авторы связывают с тюркским миром с географической точки зрения широкое пространство – Турцию, Иран и Северную Индию. С хронологической точки зрения авторы относят появление тюрок началу XIII века и их цивилизационный расцвет к XVI-XVII столетиям.

Вторая часть охватывает такие сюжеты как тюркское влияние на искусство, материальную культуру, лите-

ратуру и межрегиональные связи в Индии. В основу монографии положен тезис о том, что на протяжении почти всего второго тысячелетия на территории будущей Индии политически доминировали династии тюркского происхождения: газневиды, дельийские султаны, великие моголы, бахмани, кутбаши и адильшахи. Они происходили из Анатолии, Средней Азии и степного пространства. Причина такого доминирования проста: как и на Ближнем Востоке, его обеспечивала военная элита, тюркские военные традиции и система военной организации.

**Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ)
при Президенте Республики Казахстан создан
Указом Президента Республики Казахстан
16 июня 1993 года**

Основной задачей КИСИ является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан. КИСИ является единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета (2018 г.), заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира.

Институтом было издано более 350 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір», «Казахстан-Спектр», «Central Asia's Affairs». Институт располагает собственным сайтом на трёх языках: казахском, русском и английском, а также ведёт аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ является уникальной международной экспертной площадкой, где ежегодно проводится ряд научно-практических мероприятий, посвящённых актуальным проблемам мировой политики и экономики. В научных форумах Института принимают участие авторитетные эксперты из стран Центральной Азии и дальнего зарубежья.

Адрес и контактные телефоны КИСИ:

Республика Казахстан,
010000, г. Нур-Султан,
ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz

KAZ_ISS

ISS.Kazakhstan

www.kisi.kz,
www.kaziss.kz